МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

Initia

Иниция

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК (26–27 апреля 2013 г.)

XV Всероссийская конференция молодых учёных

Под редакцией И.А. Ершовой, Ю.Н. Кириленко

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2014

ХИЛАРИ ПАТНЭМ И РИЧАРД РОРТИ: ПОНЯТИЕ ИСТИНЫ В ДИСКУССИИ РЕАЛИЗМ-АНТИРЕАЛИЗМ

Е. А.Шадрина
Научный руководитель: д.ф.н. В. А. Ладов
Томский государственный университет

Вопросы о том, что есть мир? Что мы можем знать о нем? Может ли наше знание быть истинным? И что есть истина? Относятся к вопросам о реальности. Споры о реальности сегодня не новы, однако они по-прежнему занимают центральное место в философии науки и эпистемологии. Полемика между реализмом и антиреализмом, в частности, представляется одним из центральных и актуальных вопросов в истории философии с довольно богатой историей.

Современная аналитическая философия не отличается строгим единством относительно вопроса реальности и возможностях ее познания. Скорее наоборот, невероятное количество теорий относительно вопросов истины и объективности знания, выросших из дискуссии реализма и его противника – антиреализма, является визитной карточкой аналитической философии, что лишний раз подчеркивает ее актуальность и неиссякаемый интерес исследователей к данному вопросу.

В данной статье мы сделаем попытку представить ключевые аспекты полемики между Ричардом Рорти и Хилари Патнэмом – современными американскими мыслителями, стоящими по разные стороны баррикады и внесшими большой вклад в разработку теорий реализма.

С возникновением идеи релятивизации познания встает серьезный вопрос, а есть ли смысл нам говорить об объективной реальности? Может нам следует отвергнуть идеал истинного знания о ней?

Ярым противником идеи релятивизации познания выступает Хилари Патнэм, чей философско-исследовательский путь нельзя назвать строгим и однозначным. В разные периоды своего творчества Патнэм придерживался различных позиций реализма. В данном случае нас более всего интересует период его приверженности теории «внутреннего реализма», выраженной в критике релятивизма и пересмотре понимания значения истины.

За разработку идеи «внутреннего реализма» (интернализма), как наиболее прагматического подхода к теории реализма, исследователи называют Патнэма вторым после Рорти мыслителем, внесшим весомый вклад в возрождение прагматизма.

Согласно теории «внутреннего реализма» «... вопрос о том, из каких объектов состоит мир, имеет смысл задавать только в рамках некоторой теории или описания» [4. С. 49].

Согласно данной теории, объекты, составляющие окружающую реальность, зависят от определенных описательных схем нашего разума. И в рамках этой схемы объекты и знаки, с помощью которых описываются объекты, являются для схемы внутренними, идеально соответствующими ей, следовательно, не возникает проблемы соответствия.

Патнэм выстраивает свою теорию так, чтобы она объединила в себе объективную и субъективную точки зрения на окружающую реальность, что, по мнению Рорти, является неубедительными и заведомо противоречивым, так как че-

ловеческое познание, по его мнению, может быть только внутренним. Патнэм идет дальше и вводит понятие истины как «рациональной приемлемости», в качестве главного критерия которой выступает непротиворечивость, согласованность с внешним миром и практическая полезность. Далее, чтобы провести различия между истиной и рациональной приемлемостью, Патнэм вводит понятие идеальных эпистемических условий.

Что это значит? «Мы называем утверждение истинным, если бы оно имело оправдание при этих условиях» [2. С. 63]. Патнэм выступает за идеальные условия принятия истины, отвергая произвольные эмпирические суждения, так как такое допущение помогает преодолеть релятивизм и сведение объективности к общезначимости. Говоря об отождествлении истины с идеализированным обоснованием, философ выступает против обоснования посредством наличных свидетельств, так как не существует правила, или универсального метода, которые бы говорили о том, какие условия лучше в обосновании произвольного эмпирического суждения. Следовательно, такая истина смутна, относительна и зависит от контекста настолько, насколько от него зависим мы. Данное положение Патнэм подкрепляет примером: «В моем кабинете сейчас стоит стул. Любой нормальный человек при достаточно хороших эпистемических условиях может верифицировать это предложение. Достаточно хорошие эпистемические условия могут состоять, например, в том, что этот человек обладает хорошим зрением, не находится под воздействием галюциногенных средств, в кабинете сейчас светло и т. д. Однако, откуда я знаю, что эти условия лучше для такого рода заключения, нежели условия, предполагающие не очень хорошее зрение или взгляд на комнату через телескоп с большого расстояния, или условия, сопряженные с воздействием ЛСД?» [3. С. 209].

Факт введения эпистемических условий свидетельствует о том, что философ до последнего пытался противостоять релятивизму.

И здесь Рорти и Патнэм расходятся во взглядах. Традиционный субъект-объектный образ, пришедший на смену идеализму, Патнэм пытается заменить «и не впасть при этом в идеалистические парадоксы» [4. С. 15], но, по мнению Рорти, его попытки безуспешны.

Рорти выступает против разделения картины мира на субъект-объектную части, где человек и мир стоят по разные стороны «убеждений» и «желаний», говоря о том, что в соответствии с такой картиной, «альтернатива взаимодействия обеих сторон будет сводиться лишь к выражению одной, либо к репрезентации другой» [4. С. 11].

Дополняя свой тезис о нежизнеспособности идеи истины Патнэма, Рорти заявляет, что мир не может быть сам по себе истинным или ложным, истинными или ложными могут быть его описания, данные человеком. Соответственно человеческое познание может быть только внутренним.

Значит, формулировка истины как «идеальной рациональной приемлемости», по мнению Рорти будет являться только и всего, что «приемлемой для нас», для нашего языкового сообщества и выступать, по мнению философа, не более, чем «пустым комплиментом…» [5. С. 13].

Подобные рассуждения приводят нас к пониманию того, что Рорти в принципе считает понятие «истина» бессодержательным и не заслуживающим того внимания и сил, которые тратят философы на его разработку.

В работе «Случайность, ирония и солидарность» Рорти делает заявление о том, что все, чем мы располагаем в своем познании, является содержанием разговора – разговора людей: «Мир не говорит. Говорим только мы. Мир может – раз мы уже запрограммировали себя языком – вынудить нас придерживаться мнений. Но он не может предложить язык, на котором нам говорить. Это могут сделать только другие люди» [5. С. 12]. Говоря о том, что истина является всего лишь внутреннем свойством языка, предложений, которые создаются людьми, Рорти отрицает отношения между миром и его человеческими описаниями, сводя реальный мир и формирование человеческой самости как таковой только лишь к способности человека использовать язык.

По мнению Рорти, люди не нуждаются в познании объектов внешней реальности, а для полного освоения в мире им необходимо «лингвистическое взаимодействие с другими людьми» [1. С. 182], участвующими в одной языковой игре. Другими словами, для заявления о существовании внешнего мира релятивисту достаточно находиться в том культурном сообществе, где придерживаются такого же мнения, соглашаются с ним. И ничего, кроме лингвистического консенсуса, по мнению Рорти, более не требуется для обоснования реализма.

Патнэм не может согласиться с таким дерзким нигилистическим отношением к классической философской проблеме. Будучи убежденным, что вопрос обоснования реализма заслуживает большого внимания со стороны философов, Патнэм не оставляет усилий по пути разработки идеи истины и критики релятивизма и стремится доказать существование объективной истины, которое отрицает релятивизм. Патнэм говорит об объективной истине как о рациональной приемлемости, понимая, в конечном счете, под объективностью *общезначимость* с точки зрения представителей определенных культур: «учитывая, что рациональность в его понимании не является набором неизменных и вечных канонов или принципов, а исторически изменяется, то из этого можно заключить, что объективным, с его точки зрения, является то, что представляется таковым людям разных культур на основе принятых ими стандартов рациональности» [2. С. 62]. Такое понимание объективности, по мнению критиков, «не позволяет полностью преодолеть релятивизм, поскольку то, что считается общезначимым в одной культуре, может не быть общезначимым в другой культуре и т. д.» [2. С. 61]. Это заставляет Патнэма продолжить свои исследования по вопросу истины и защиты реализма, вновь и вновь пересматривая свои взгляды.

На сегодняшний день не представляется возможным свести многолетний спор относительно обоснования истины двух ярких представителей американской философской мысли к общему конструктивному знаменателю. Однако исследование данного противостояния потому и интересно, что и Патнэм и Рорти, несмотря на указание внутренних противоречий в теориях друг друга и бесконечные творческие поиски, до конца оставались преданны своим убеждениям и с большим энтузиазмом отстаивали их.

Аналитическая философия, как уже отмечалось, пронизана подобными противоречиями относительно понимания значения истины и возможности обоснования теории реализма в принципе, что показывают немалые усилия современных мыслителей, плодотворные идеи которых, безусловно, заслуживают внимания и обсуждения, потому как открывают перед нами наиболее полный горизонт исследований и подогревают научный интерес к данной проблематике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Джохадзе И.* Патнэм vs Рорти: спор о прагматизме и релятивизме // Эпистемология & философия науки. – 2011. – №4. – С. 175–190.
2. *Макеева Л. Б.* Философия Х. Патнэма. – М.: Прогресс, 1996. – 190 с.
3. *Патнем Х.* Введение к книге «Реализм и разум» // Современная философия науки. – М: Логос, 1996. – С.209-220.
4. *Патнэм Х.* Разум. Истина. История. – М.: Праксис, 2002. – 296 с.
5. *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 280 с.
6. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд. Новосибирского университета, 1997. – 293 с.
7. *Хакинг Я.* Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. – М.: Логос, 1998. – 296 с.